С двумя моими спутницами, Линь Фэн и Юань Чунси, и шестью призрачными сестрами тёти Фэн, я отправилась во Внутреннюю Монголию; это путешествие, замаскированное под путешествие, на самом деле было крестовым походом, чтобы исследовать и искоренить остатки злого культа, Символа Восьми Триграмм.

Мало ли мы понимали, что это была тщательно продуманная уловка, чтобы заманить меня в ловушку! Мало того, что организатор всего эпизода, человек по имени Чжэн Тун, питал ненависть к нам троим; кроме того, у него был отец по имени Чжэн Хаошань, которого мой отец убил за злодеяния, совершенные им много лет назад. Чжэн Хаошань присоединился к Символу веры и стал Седьмым из Тринадцати апостолов дьявольского ордена. Он был адски одержим идеей отомстить мне, вооружившись излишним друидским и медиумным колдовством в дополнение к шаманским ядовитым проклятиям, которые вызвали у нас целую серию неприятностей.

В ходе наших приключений мы столкнулись с бывшим "парамуром" моего отца, женщиной по имени Улан, которую я сразу же признала своей крестной матерью. С ее отрядом приспешниц мы охотились и в конце концов поймали Чжэн Тонга, застрелив его до смерти. Но мы не понимали, что это едва ли можно считать концом наших приключений на севере, а просто перевернули страницу, когда узнали, что другая группа разбойников, состоящая из более чем ста человек, грозно скачет к нам, с намерением устроить расточительство в Хранилище Черного Дракона, где мы сейчас укрываемся.

Наступающая рота грабителей и грабителей находилась под впечатлением, что оборона Хранилища плохо защищена, я заметил, так как они нагло поднимались на склоны к порту нашей крепости. Они остановились перед воротами и демонтировались, медленно поднимаясь вверх по дороге. Я подождал, пока они подойдут близко, и подал сигнал стрелять. При стрельбе из винтовок разгорелась струна, а пулеметы по стрелам валов разгоняли шквал свинца, который разбивал вторгшуюся армию в клочья. Враги были удивлены нашей засадой, и более половины их числа погибло только в первой стычке! Своими ртами, отрыгивая грязные слова проклятия и нецензурной лексики, два апостола вели свою компанию в бесславное уединение и перегруппировались у подножия холма. Я шипнул наставления остальным прихвостням, призывая их не стрелять, если в этом нет необходимости. Сначала мы должны были наблюдать, наблюдать и проявлять осторожный оборонительный подход.

У подножия склона оба апостола совершили подсчет голосов и поняли, какую тяжелую утрату они понесли. Стремясь разозлиться на смерть своих людей, они были настроены на сохранение осады. Но кровной вендетты едва хватило, чтобы преодолеть их страх перед нашей огневой мощью. Там они и остались, без знания того, что делать, с нерешительностью лежали на дне холма. Я недвусмысленно приказал всем воздерживаться от стрельбы, чтобы сохранить фасад, в котором мы имеем мощную огневую мощь, несмотря на то, что мы в меньшинстве. Без надлежащего опыта в боях и войнах разбойники никогда бы не смогли по-настоящему божественно обрести нашу силу. Но нашего сопротивления было достаточно, чтобы удержать их на расстоянии, по крайней мере, пока мы ждали подкрепления. Возможно, эти два апостола даже проклинают Седьмого за неправильный интеллект, я запутался. Осада сейчас зашла в тупик, ни одна из сторон не хотела делать первый ход. К ужасу апостолов и разбойников, то, что должно было быстро и решительно превратиться в блицкриг, в битву за истощение! Наше ожидание продолжалось до полудня, когда смотрящие на парапеты сообщали об облаках пыли, поднимающихся на горизонте. Подкрепление тети Улан прибыло! Но их прибытие было

замечено и апостолами; часовой предупредил их о прибытии новых врагов, и быстро рота мародеров разбила лагерь и поспешно ушла.

Тетя Улан была во главе заряда, когда она проезжала через гербы форта. "Ты приготовила вещи, как я тебя просила, крестная мама?" Я спросил, как она спрыгнула с лошади. Она резко кивнула и пробормотала "Да". "Но я не понимаю, - спросила она в свою очередь, - "Воины всегда сильные жеребцы, способные путешествовать быстро и далеко". Зачем тебе лактирующая кобыла?" Ее замечание заставило меня хихикать. "Ты знаешь, почему Чингисхан так побеждал, когда сражался, крестная мать?" Я спросил: "Его лошади. Я заметил, что все разбойники раньше использовали лошадей западных пород. Их лошади имеют большое ускорение, позволяющее им преодолевать большие расстояния за короткое время! Но это и слабость западных пород лошадей; они хорошо функционируют только в коротких и быстрых стычках, но менее полезны при слабой выносливости в боях, требующих выносливости! Хе-хе-хе-хе!"

По моему совету тетя Улан дала указание всем немедленно поесть и привезти достаточное количество воды. Погоня скоро начнется!

Я отпустил своего орла-духа, и мы внимательно следили за ним, когда началась наша охота за апостолами. В течение двух часов мы ехали, наконец, мы нашли компанию разбойников, отдыхающих издалека. С ослепительной скоростью мы налетали на них, стреляя из своего оружия, как мы заряжали по нашим невообразимым врагам. Наши враги встали на ноги и забрали своих лошадей, хотя многие из них погибли. В мгновение ока они ушли, оставив позади трупы многих своих товарищей.

В ту ночь мы разбили лагерь и продолжили нашу погоню на рассвете. На мили и мили мы гонялись за компанией разбойников. Но они, казалось, боялись привести нас к своей твердыне, делая бесконечные круги на бесконечных прериях, надеясь измотать нас. Постепенно я заметил, что разбойники стреляют из своего оружия все более и более спорадически. Это может означать, что у них заканчивались боеприпасы, я понял. Я внимательно следил за тем, какие еще силы у них оставались, так как при каждой стычке наша сторона сумела сократить их количество, а разбойники, которые сейчас начинают ослабевать, были вынуждены оставить своих мертвецов. К третьему дню нашей охоты многие бандиты начали рушиться со своих лошадей; их лошади, изношенные и потраченные, едва ли могли скакать дальше!

Хотя кормящие монгольские кобылы не обладали той взрывной скоростью, которой часто хвастались западные породы, они были более способны преодолевать большие расстояния благодаря своей более сильной твердости и отличной выносливости. Кроме того, монгольских кобыл можно было бы также использовать в качестве молочных животных, чтобы утолить наш голод, устранив тем самым нашу потребность в поставках. Враг оказался неподготовленным; поначалу они считали, что это короткое, но победоносное нападение, поэтому они пришли без припасов и пайка, поставив себя в крайне невыгодное положение, которое мы, в конечном счете, использовали в полной мере. Восемь и Девятый апостол сражаются до конца; когда они, наконец, были окружены, они спрятались за своими лошадьми и поставили последнюю стойку настолько скрипучей и доблестной, что мы не могли подойти к ним, не рискуя получить ранения самим. Мы обстреливали их из пулемётов и пулемётов, заставляя их укрываться, и я выпустил Сяо Ци и "Сестёр". Они улетели за линию врага и овладели двумя апостолами,

заставив их выползти из укрытия. Оба апостола были расстреляны, как собаки, как приспешницы, которые пришли с нами, стреляли из своего оружия без пощады, опустошая свои патроны в двух злодеев, как прицельная стрельба. Когда наша работа была закончена, я вытащил свою духовную тыкву; я собрал как можно больше душ разбойников, и это была последняя доступная банда.

Но когда Сяо Ци и Сестры вернулись, меня обстреляли снарядами другой формы: проклятиями и гневными наставлениями; они злились за боль, которую испытывали, когда злодеев стреляли, когда Сестры еще владели ими. Но способ их собственной смерти был во много раз более мучительным и ужасным по сравнению с этими двумя мужчинами, я думал, кислым, когда они продолжали выпускать свое раздражение.

Мы не принимали участия в завершающих этапах борьбы между воюющими группировками разбойников в Монголии позднее после финальной битвы. Тетя Улан взяла с собой приспешниц, подметающих крепости двух мертвых апостолов. Она разграбила и разграбила все, что могла, и эффективно закрепила свое господство в пышной пустыне Монголии. Но у нас, с другой стороны, были и другие обязательства: отчет для Тао Ган и его начальника, заместителя директора Чжао. Мы связались с ними и доложили о судьбах Чжэн Тун и двух апостолов, маскируя весь конфликт под простое кровопролитие между различными блоками воюющих разбойников и разбойников, избавляя их и от интриг, и от тайн, которые могут озадачить их мирской разум. Это было также для того, чтобы избавить меня и мою крестную от неприятностей, которые могли быть вовлечены как предполагаемый сообщник или, что хуже всего, как адъюнкт-ринглидер группы амазонских шоссейных женщин. Более того, и я, и Юань Чхонси, едва перестали осознавать тот факт, что мы убили. Это был мир, который мы должны были бы искать сами, в то время как мы делаем наше собственное покаяние.

Но заместитель директора Чжао и Тао Ган все же не были дураками, они, очевидно, заметили, что кровавые бои в монгольской пустыне, безусловно, были чем-то большим, чем просто конфликты, движимые жадностью и желаниями. Тем не менее, они знали, на что мы способны; они не стали больше расследовать этот вопрос, более чем счастливы видеть, что безмятежность как-то вернулась, по крайней мере, на данный момент. Когда мы показали им сцены наших сражений, когда они пришли через несколько дней, они знали лучше, чем углубляться дальше, только выражая свое удивление и удивление нашими способностями. Даже вопрос о местонахождении оставшихся грабителей и лошадей погибших разбойников удобно было оставить вне разговора.

Я оставлю на усмотрение обоих офицеров вопрос о том, как должны быть надлежащим образом представлены их доклады. Мы упаковали вещи и вернули арендованную машину, прежде чем подготовиться к вылету обратно в Пекин. Позже пришли слухи, что заместитель директора хотел отправить нас в аэропорт, но он ускользнул, увидев страшный контингент тёти Улан и её девочек, когда они приехали к нам на вылет в аэропорт. У ворот тетя Улан со слезами на глазах держала меня за руку. "Не забудь прийти ко мне, когда будешь свободен, сынок..." Тетя Улан не хотела, чтобы я ушла, я знала. Чтобы иметь сына после стольких лет, она осталась незамужней, но она должна отправить его после всего лишь нескольких дней воссоединения. Мы обнялись перед тем, как проститься; я обещал ей, что вернусь, когда позволит время, и поблагодарил ее свиту воительниц за их гостеприимство, и мы быстро прошли с тяжелыми плечами через порог под знаком "Отправление".

Мы собрали наши посадочные талоны и призрак Сяо Ци сидел у меня на голове. "Плачь, если хочешь", - сказала она, - "Теперь не нужно строить мужественный фасад!" Что-то о том, что она сказала, ударило, как аккорд в моем сердце, и мои глаза начали выздоравливать со слезами. У меня не было ни желания, ни стремления к жизни в грабежах и мародерствах, не более, чем акт лишения человека жизни. Но путешествие во Внутреннюю Монголию также стало путешествием самопознания; осознания моей любви к свободе, которую можно почувствовать и воплотить, катаясь по безбрежным лугам севера. В лагере тети Улан все были прямолинейными и честно говоря красноречивыми людьми - качество, которое вряд ли будет легко найти у горожан.

Мы поднялись на борт со слезами, медленно высыхающими из моих влажных глаз. Наш короткий обратный рейс снова возобновился с очередной частью нашего путешествия через метро и поезд, во время которого я был погружен обратно в суматошную и оживленную городскую жизнь; мои слезы полностью высохли, как мое прежнее мышление и психика вернулись ко мне, как будто перевернули рубильник. Было темно, когда мы добрались до уезда У Чжун, а у железнодорожного вокзала нас ждали мой отец, дядя Цюань и старик Чэнь. Очевидно, Линь Фенг позвонил, чтобы рассказать отцу о нашем возвращении, когда я еще дулась раньше. Странно было видеть трёх пожилых мужчин, ждущих трёх младших юниоров. Отец ворвался в большой смех. "Ты, кажется, сильно вырос, сын мой." Рядом с ним дядя Куан и старик Чен дали сыну и ученику одобрительные кивки.

Сначала мы поехали к тете Фен, чтобы бросить сестер в дополнение к пакету вяленой говядины, который мы обещали г-ну Чжану, который был очень рад нашему возвращению. Он бы держал нас дольше, если бы не необходимость уходить и заботиться о наших вещах. Юань Чхонси поскользнулся позже, чтобы познакомиться со своей девушкой, имя которой мы до сих пор не знаем, в то время как Линь Фэн отправился искать Юаньюань. Может быть, так пары и развивают свои отношения, я смутно удивляюсь, видя, как мои спутники так жаждали познакомиться со своими возлюбленными сразу после нашего приключения. Может быть, поэтому некоторые говорят, что некоторое время вдали от дома может творить чудеса в отношениях. В течение нескольких дней я оставался один в Центре. Линь Фенг вернулся через несколько дней, позволив мне взять выходной. Но опять случилась беда, как раз когда Линь Фэн был на дежурстве, в виде человека по имени Кан из соседнего города.

http://tl.rulate.ru/book/34841/926904